

найскладнішим постає вербалізувальний; 4) лжу («легенду лжі») неможливо «підготувати» на 100%, оскільки винахідник може навіть не здогадуватися про існування «допоміжників викривання лжі», які виникнуть у комунікуванні цілком випадково; 5) не завжди хороший винахідник лжі є її ж вдалим демонструвальником (захисником); 6) лжа – вельми творчий процес, що стимулюватиме як індивідуальне мислення, так само і практики (риторичну, тлумачну, винахідницьку, прогнозувальну тощо); 7) лжа є небезпечною, оскільки приховує нереалізовані егоїстичні мотиви окремого суб'єкта та/або періодично практикувані ним індивідуальні порушення морально-ціннісного спектра, масковані часто вживаними мовоодиницями та висловами для позначання одного бачення з багатьох без практичного підтвердження відкритості до іншовізій та критичності.

Отже, лжа – це багаторівнева та поліаспектна інтелектуальна гра (з елементами вербалізування та тілоруховості), яка передбачає одночасну полярність (позитивну – розвивання, негативну – деградування) окремого суб'єкта, котрому необхідно прийняти рішення як врівноважування емоційності («я хочу!») та раціональності («необхідно для...») із долучанням інтуїції.

Утюж И.Г.

*доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой общественных дисциплин
Запорожский государственный медицинский университет*

СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ СОВРЕМЕННОСТИ: «Я ЕСТЬ НЕРВЫ»

Сегодня наше общество находится в том зыбком, текущем состоянии, где существует очень много людей, чьи представления о социальной справедливости подверглись большим испытаниям. Эти люди хранят в себе и давние исторические, и совсем недавние психические травмы и обиды, которые не были отреагированы и, следовательно, остаются активно действующими, как отмечает в своей статье «Неочевидный образ будущего: модель и реальность» доктор психологических наук Решетников М. [1].

Наше современное общество, к сожалению, потеряло нравственные ориентиры и демонстрирует символическое и реальное

насилие. Наглядность и повсеместность этого насилия определяют новый стандарт для жестокости, унижения и механизации безумной военной машины, и все это служит интересам политических и корпоративных зомби – новых воплощений смерти и жестокости – которые разрушают социальный порядок и несут экологическое разорение.

Во многих социально-философских исследованиях мы все чаще встречаемся с новым вариантом названия современной эпохи. Нашу эпоху начинают именовать как «эпоху нервного», «эпоху невротизации».

По мнению немецкого исследователя Йохана Радкау как раз нервы и есть показатель существования человека в постмодерной культуре [3]. Нервы и есть той сингулярной идентификацией современного человека, которая и презентует его в мире. Мода на «высококочувствительность», «нервозность» – это тренд современного человека. Это своего рода реабилитация и оправдание собственной природы в сложных жизненных условиях сегодняшнего дня.

Аналитику «сегодняшнего дня» очень хорошо описывает Ж. Бодрийяр в работе «Фатальные стратегии». Вот некоторые мысли автора о реальной ситуации с человеком и обществом: «...социосфера контакта, контроля, убеждения и разубеждения, эксгибиция запретов в больших или гомеопатических дозах («Have a problem, we solve it! [Есть проблема? Мы ее решим!]»): это и есть обесценность. Все структуры вывернуты наизнанку, выставлены напоказ, все действия становятся зримыми» [2].

«В межличностном режиме потребности (в противоположность любви, страсти или соблазну) мы испытываем аффективный шантаж, то есть являемся аффективными заложниками других: «Если не дашь мне этого, то будешь отвечать за мою депрессию – если не любишь меня, то будешь отвечать за мою смерть» и, конечно же: «Если не дашь себя любить, то будешь отвечать за собственную смерть». В общем, истерический захват – требование и вымогательство ответа. Если не хотите стать заложником, берите в заложники других. Не стесняйтесь» [2].

Разрушается наша орбитальность, которая состоит из личностных систем ценностей. Мы должны уходить в систему метанарративов, которые как правило входят в противоречие с человеческой мировоззренческой ориентацией. Как пишет Ж. Бодрийяр: «стремление выявить мертвую точку, за которой вещи перестают быть реальными, история перестает существовать, но мы не отдаем этому отчет, и нам

ничего не остается иного, как пребывать в продолжающейся деструкции и депрессии» [2].

Джорж Монбио очень наглядно показывает реализацию деструкции и депрессии. В своей статье «Неолиберализм приводит к одиночеству» красочно и на фактах показывает, что современное общество находится в эпидемии психических заболеваний. Эпидемии тревоги, страха, стресса, депрессии, пищевых расстройств – все больше и больше распространяются на человека. И чтобы остановить данный эпидемиологический процесс, автор предлагает серьезно относиться к социальным разрывам, и лечить их точно также как и переломы конечностей. Потому что социальная и физическая боль обрабатываются одними и теми же нейронными цепочками [4].

Делая вывод из небольшого аналитического экскурса по философским текстам мы можем с очевидностью заявить – появилась новая социальная модель «Я есть нервы».

Говоря о нервах мы говорим об органике, мы пытаемся презентовать амбивалентную природу человека (социальную и биологическую, инстинктивную). Когда человек нервничает, то зачастую ведет себя не совсем адекватно, а может и совсем неадекватно. И общественность тут же вешает ярлыки, презентуя логико-семантическую цепочку: «Проблемы с нервами – иди к невропатологу», «Проблемы с психикой – иди к психиатру». Но в пространстве жизни нервозность как защитная реакция на несправедливые обстоятельства, в которые попадает человек, но это уже никого не интересует, все смешивается – и символическое и клиническое. Гуманистическая парадигма «сочувствия» к «безумцу», «нервно» проявляющему себя человеку, не очень то и работает. Никого не интересуют проблемы другого: что у него на работе, как чувствует себя человек, какое бюрократическое давление испытывает человек. Всем все равно – лишь бы работал.

Радкау удачно отмечает, что нервы стали стремительно проникать в ткань языка, поселяться в его плоти. Нервная система называется – «нервный костюм», а собственное раздражение стало очень удобно лаконично выражаться с помощью выражений: очень часто говорят «пилят мне нервы», или жалуются «украли последний нерв». Нервы в языке даже победили безумие: так, «Я сойду с ума!» (не имея ввиду клиническое безумие), подразумевая как раз нервную перегрузку, мы заменяем выражением «не выдерживают нервы».

Делая вывод, можно констатировать, что дискурс «нервного» обернется и оборачивается историей целой культуры, осмыслить

которую нам еще предстоит. Современная невротизация человека вызвана в первую очередь способностью или неспособностью нарушения границ и запретов социального. Состояние невротизации в культуре порождает практику бунта, постоянно провоцирующего социальные нормы. И естественно возникает вопрос, а что же дальше? Приход квазисоциальности? Эти вопросы и будут поиском в наших дальнейших исследованиях феномена социальной сингулярности.

Литература

1. Решетников М. Неочевидный образ будущего: модель и реальность / М.М. Решетников // Постчеловек. От неандертальца до киборга. Под ред. Чесноковой Т.Ю. М.: Алгоритм, 2008. – 368 с.
2. Бодриар Ж. Фатальные стратегии / Ж. Бодриар; [пер. с фр. А. Качалова] – М.: Издательский дом «РИПОЛ – Классик», 2017. – 278 с.
3. Радкау Й. Эпоха нервозности. Германия от Бисмарка до Гитлера / пер. с нем. Н. Штильмарк; под. науч. ред. С. Ташкенова; вступ. слово С. Ташкенова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономик», 2017. – 552 с.
4. Монбіо Дж. Неолібералізм призводить до самотності. Це те, що розриває суспільство на частини // [Режим доступа] / <http://ukraine.politicalcritique.org/> 2017/02/06/neoliberalizm-prizvodit-do-samotnosti-tse-te-shho-rozrivaye-suspilstvo-na-chastini.